

ДЖУЛИАНА
ГРЕЙ

*Как покорить
маркиза*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г79

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Juliana Gray

HOW TO MASTER YOUR MARQUIS

Перевод с английского *Е.А. Шульги, А.С. Мейсиговой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Грей, Джулиана.

Г79 Как покорить маркиза : роман / Джулиана Грей ;
[пер. с англ. Е. А. Шульги, А. С. Мейсиговой]. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Оча-
рование).

ISBN 978-5-17-084481-4

Принцесса Стефани вынуждена не просто бежать из захваченного французами маленького немецкого княжества в Лондон, но и выдавать там себя за юношу — более того, служить клерком в скучной юридической фирме. Однако все меняется, когда в конторе появляется племянник хозяина Джеймс Ламберт, маркиз Хэтерфилд.

Стефани с первого взгляда влюбляется в красивого, обаятельного, благородного Джеймса. Но как рассчитывать на взаимность, если она продолжит свой нелепый маскарад? К тому же если девушка отдастся охватившему ее нежному чувству, то окажется в смертельной опасности...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Juliana Gray, 2014

© Перевод. А.С. Мейсигова, 2015

ISBN 978-5-17-084481-4 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

*Центральный уголовный суд Олд-Бейли, Лондон
Июль 1890 года*

Зал суда был переполнен, едкий запах пота пропитал воздух.

Но Джеймс Ламберт, маркиз Хэтерфилд, не замечал этого. Его отец, герцог Сотем, являл собой олицетворение незыблемого британского аристократизма. И Хэтерфилд, его единственный сын и наследник, считал ниже своего достоинства страдать от какого-то зловония. Он больше тревожился за женщину, сидевшую напротив него.

Не имея возможности смотреть прямо на нее, он тем не менее всем существом чувствовал, как она напряжена. Это исходившее от нее напряжение волнами захлестывало Хэтерфилда. Он вдруг подумал о токах, пульсирующих в телефоне. Такой установила в своем кабинете его мачеха, чтобы, не выходя из дома, управлять армией великосветских лизоблюдов. Он видел спину девушки, прямую, как стальное лезвие бритвы; он точно знал, что ее голубые глаза стали зелеными в грязно-желтом мерцании газовых светильников на стенах, и эти глаза сейчас устремлены на главного судью, сверкая благородным негодованием, которым, несомненно, могли бы гордиться ее воинственные германские предки.

Он знал Стефани, как самого себя, и прекрасно понимал, что она скорее позволит бросить себя в котел с кипящим маслом, чем станет вдыхать аромат пота. Его дорогая Стефани, которая считала себя сме-

лой и предприимчивой и которая не раз доказывала, что способна преодолеть любые трудности, тем не менее воспитанная, как подобает принцессе, она, истинная принцесса, была очень восприимчива к запахам.

Судья монотонным, гнусавым голосом излагал факты, послужившие мотивом для столь жестокого преступления, и воодушевленно засыпал публику избитыми цитатами на латыни. У судьи был узкий лоб и массивная нижняя челюсть с несколькими подбородками, которые заметно подрагивали при каждом слове. Большая черная муха, обнаружившая что-то интересное на завитках белого парика, обрамлявшего его грушевидное лицо, громко жужжа, кружила над самой макушкой в ленивом экстазе. Хэтерфилд внимательно следил за ее манипуляциями. Наконец муха с довольным «ж-ж-ж» приземлилась на четвертую от макушки буклю пышно завитого белого парика как раз в тот самый момент, когда судебный представитель ее королевского величества обратился к потеющим представителям рода человеческого, собравшимся в зале суда, с призывом мыслить широко и судить непредвзято о вине подсудимого *ad captandum et ad timorem sine qua non sic transit gloria mundi** и так далее, и тому подобное.

Хотя, вполне возможно, он обращался к присяжным. Хэтерфилд так и не понял, да и как можно понять, к кому обращается человек, уткнувшийся лицом в свои записи, вернее сказать, утонувший в складках своих толстых щек, нависших над его бумагами. Он напомнил Хэтерфилду одного преподавателя из Кембриджа, кажется, историка, который имел привычку пить чай со сладкими лепешками прямо за письменным столом, неизменно роняя крошки; они исчезали в складках его обвислых щек и выпадали оттуда каждый раз, когда он поглаживал бакенбарды во время лекций. В особенно удачные дни пол вокруг кафедры был усеян мелкими хлебными крошками, кото-

* *Ad captandum et ad timorem sine qua non sic transit gloria mundi* — дабы не угождать толпе, ибо главное — помнить о смирении и том, что все в этом мире бренно.

рые, как в сказке, образовывали дорожку до самых дверей его комнаты. Какое же у него было прозвище? Пытаясь вспомнить, Хэтерфилд наморщил лоб и поднял глаза на высокий потолок, покрытый толстым слоем сажи.

Точно, студенты прозвали его Гензелем*.

Мимолетное, едва заметное движение отвлекло его от воспоминаний и вернуло к действительности. Пальцы Стефани, которыми она сжимала перо и что-то торопливо писала на листе белой бумаги, до боли прикусив нижнюю губу. Она подняла глаза, поймала его взгляд, показала листок бумаги и тут же опустила — все это заняло не более секунды. Но этого хватило, чтобы он смог прочесть ее послание. Послание, написанное большими заглавными буквами и подчеркнутое двумя жирными линиями, гласило:

«НЕ ОТВЛЕКАЙСЯ!»

Ах, Стефани! Положив руку на перила, он начал постукивать пальцами, зная, что она понимает азбуку Морзе:

«Ничто не может отвлечь меня. От тебя. Ты восхитительно прекрасна в этой жилетке. Хочу тебя поцеловать».

Он видел, как она опустила глаза, рассматривая свои пальцы. Он снова повторил послание, выстукивая его по дереву перил.

Ее щеки порозовели. И хотя ему было плохо видно, он точно знал, что это так. Сначала розовеет шея, затем румянец поднимается выше и, вынырнув из-под жесткого белого воротничка, постепенно окрашивает высокие изящные скулы и сбегает вниз к пушке на верхней губе. Затем розовеет кончик носа... да... вот... прямо сейчас. Так и есть: он увидел алый отблеск. В точности как тогда, когда он...

Изящными тонкими пальцами Стефани разорвала лист бумаги напополам и еще раз напополам, затем сложи-

* Гензель — герой сказки братьев Grimm «Гензель и Гретель», который сыпал по лесной дороге крошки, чтобы родители могли найти его.

ла все четвертушки вместе и демонстративно порвала на мелкие кусочки. Она спрятала обрывки в кожаную папку и, положив на нее руки, сцепила пальцы, костяшки которых так побелели, что Хэтерфилд мог видеть это даже со своего места.

Неожиданно слух резануло знакомое имя, мгновенно испортив ему настроение. Это было имя его мачехи: «...герцогиня Сотем, найденная мертвой в своей постели, была убита самым чудовищным образом; обстоятельства этого преступления выяснятся в процессе...»

Герцогиня Сотем. Эта женщина обладала особым даром — омрачать самые счастливые моменты его жизни и продолжала свое черное дело даже из могилы, при полном зале свидетелей. Простое упоминание ее имени приводило Хэтерфилда в ужас. Он всячески отрицал, что мачеха имеет над ним такую власть, но почти физически ощущал ее ледяную хватку.

У Хэтерфилда не хватило мужества взглянуть на Стефани. И он перевел взгляд на судью. Муха исчезла, возможно, испугавшись внезапно оживших белых аппетитных буклей, которые задрожали, когда оратор дошел до пика справедливого негодования — да этот судья настоящий актер, несмотря на комичные бульдожьи щеки! — и спросил подсудимого, считает ли он себя виновным.

Хэтерфилд впился руками в деревянные перила. Он выпрямился, расправил плечи и, глядя прямо в глаза судье, громко, отчетливо произнес:

— Невиновен, милорд.

Девон, Англия

Восемью месяцами раньше

Принцесса Стефани Виктория Августа — исключительно выдержанная молодая женщина, не склонная к нервным срывам, с изумлением обнаружила, что у нее сильно дрожат руки и поэтому ей никак не удастся сложить шарф.

По правде говоря, шарф выглядел уныло и скучно. Она бы предпочла шарфик лилового цвета,

расшитый стеклярусом или, например, нежно-оранжевый шейный платок, который однажды мельком видела в Лондоне из окна экипажа на молодом щеголе, до того как дядя спешно увез ее и сестер в свой полуразрушенный замок времен короля Иакова, возвышавшийся над утесом в самом отдаленном уголке Девона. (По правде говоря, Стефани обожала это место.) Но цветовая гамма шарфов, выложенных перед ней на прилавке утром в первый день обучения, имела только три оттенка: черный, черный и черный.

— Не могли бы вы предложить что-нибудь повеселее? — спросила она, едва шевельнув одним из своих длинных, изящных пальчиков с таким отвращением, словно перед ней лежали запачканные детские слюнявчики.

— Моя дорогая племянница, — обратился к ней герцог Олимпия таким тоном, словно отчитывал шаловливого щенка. — Сейчас не время заботиться о своей привлекательности. Ты должна превратиться в самого скучного, самого заурядного и неприметного судебного клерка во всем Лондоне. Ты ведь скрываешься, не стоит забывать об этом.

— Я все понимаю, но разве обязательно носить такие унылые и мрачные шарфы, даже если ты в бегах? Пусть он будет хотя бы из шелка! — Одно небрежное движение изящных пальчиков, и шарф соскользнул обратно в лоток.

— Судебные клерки не носят шарфиков из узорчатого шелка, — вмешалась в разговор ее сестра Эмили. Она стояла перед зеркалом, а лакей его светлости герцога, сильно волнуясь, трудился над узлом ее шарфа.

— Откуда ты можешь это знать? — спросила Стефани, но Олимпия накрыл ее руку ладонью.

— Моя дорогая Стефани, — с большой нежностью сказал он, ибо она была его любимой племянницей, хотя они держали это в секрете, — наверное, ты забыла, что поставлено на карту. Это не придворные игры, где тебя окружает толпа льстецов, как в этом твоём хваленном Хогваше или как его там...

— Хольштайн-Швайнвард-Хунхоф, — сказала Стефани и гордо выпрямилась. — Это одно из самых очаровательных княжеств в Германии, которым, кстати, одно время правила твоя родная сестра, если помнишь.

Олимпия махнул рукой.

— Да-да. Очаровательное княжество, напоенное нежными ароматами цветов. Все это прекрасно, но, как я уже сказал, это не детская игра в кошки-мышки. За вами троими охотится банда проклятых убийц-анархистов, и один из них уже убил вашего отца и похитил вашу сестру..

— Пытался похитить, — уточнила принцесса Луиза и привычным жестом попыталась одернуть юбку, но ее руки наткнулись на плотную шерстяную ткань клетчатых брюк и замерли на полпути.

— И тем не менее. Никто не должен заподозрить, что вы трое, переодетые юношами, занимаете самые неприметные должности в разных уголках Англии.

— А ты и мисс Динглби в это время будете развлекаться, выслеживая убийц моего отца, чтобы с радостью всадить нож в их нежные белые шейки и распороть от уха до уха, — сказав это, Стефани глубоко вздохнула, кровожадно блеснув глазами.

Из-за ее спины вынырнула мисс Динглби.

— Моя дорогая, — тихо сказала она, — ваше справедливое негодование делает вам честь. Но, как ваша гувернантка, я настоятельно рекомендую вам сосредоточиться на наших насущных проблемах и больше думать о том, как уберечь от ножа собственное горло, и боюсь, вам все-таки придется повязать на него этот невзрачный шарф.

Прошло уже четыре недели, и, хотя шарфы оставались все такими же скучными, Стефани не собиралась так легко сдаваться и научилась мастерски драпировать их и завязывать модным узлом. (Это слишком бросалось в глаза, поэтому Динглби, то и дело вздыхая, всякий раз терпеливо расправляла складки шарфа и перевязывала узел, чтобы придать ему более консервативный вид.)

8 Только бы эти глупые пальцы перестали дрожать.

Дверь распахнулась, недовольно скрипнув, и впустила в комнату мисс Динглби, которая вся бурлила от нетерпения, словно закипающий чайник.

— Стефани, куда ты пропала? Олимпия и сэр Джон уже полчаса сидят внизу, и херес заканчивается.

— Ерунда. Там в подземелье еще несколько дюжин бутылок.

— Это не подземелье, а всего лишь винный погреб. — Мисс Динглби замолчала и, прищурившись, посмотрела на отражение Стефани в зеркале. — Дорогая моя, да ты, похоже, нервничаешь? Я могла бы ожидать такой реакции от Эмили или Луизы, они слишком непосредственны и не привыкли скрывать свои чувства, но ты?

— Я вовсе не нервничаю, — ответила Стефани и сурово посмотрела на свои пальцы, мысленно приказав им вести себя как подобает. — Просто мне не по себе, и я никак не могу понять, почему именно я должна быть судебным клерком. Мне кажется, я больше всех вызываю подозрение. Я могла бы учить детей, например. Не сомневаюсь, что Эмили доведет своих учеников до слез, а я бы...

За спиной Стефани послышалось возмущенное сопение и шорох юбок, и в следующую секунду мисс Динглби уже стояла перед ней.

— Убери-ка свои руки, — сказала она, затем, своими ловкими руками бесцеремонно и резко дергая за концы шарфа, завязала его аккуратным строгим узлом, но до того туго, что Стефани чуть не задохнулась. — Так решил Олимпия, и будь уверена, он знает, что делает. Твоя латынь безупречна, у тебя хорошая память, к тому же ты умна и сообразительна, особенно когда сконцентрируешься...

— Да, но юриспруденция — это такая скука, мисс Динглби...

— ...А главное, — продолжала мисс Динглби, отступив назад и любуясь делом своих рук, — мы будем чувствовать себя гораздо спокойнее, зная, что ты находишься под присмотром самого уважаемого, просвещенного, справедливого и неподкупного члена судебной коллегии Англии.

Стефани позволила взять себя за руку и с обреченным видом направилась к двери. Немного помедлив, она осторожно начала спускаться по огромной лестнице, сбегаящей в зал, что было небезопасно, ибо некоторые ступени этого грандиозного сооружения давних времен крошились и осыпались под ногами.

— Да, — мрачно пробормотала она, — именно этого я и боялась.

Олимпия и его гость расположились в большой парадной гостиной, которая во времена Гражданской войны стала свидетелем драматического пленения и казни через отсечение головы младшего отпрыска защитника, главного сторонника монархии. Чтобы убедиться в правдивости этой истории, Стефани однажды ночью пробралась в гостиную и, заглянув под ветхие, побитые молью ковры, могла поклясться, что даже во мраке ночи разглядела на деревянных половицах в пяти футах от камина выцветшие контуры большого кровавого пятна. А теперь комната превратилась в место совершения самого будничного ритуала во всей Англии, когда герцог, проспав до полудня, являлся сюда, чтобы пропустить бокальчик хереса с каким-нибудь рыцарем почетного ордена.

Во всяком случае, Стефани представляла себе все именно так.

Однако, гордо прошествовав мимо лакея в старинный зал, она, к своему величайшему удивлению, столкнулась лицом к лицу с самым красивым мужчиной на свете. Принцесса намеревалась приветствовать потенциального врага, но сделать это с высокомерием.

От неожиданности Стефани резко остановилась.

Незнакомец держал бокал хереса в одной руке, а другой опирался на спинку громадного кресла, которое покоилось на массивных львиных лапах: это кресло было изготовлено более века назад для шестого по счету герцога, с годами ставшего слишком тучным. Красавец не отличался ни очень высоким ростом, ни мощным телосложением,

но каким-то непостижимым образом затмевал собой даже такой громоздкий предмет ста-

ринной мебели, как это кресло. Оно меркло в сиянии его лучезарного облика. Лучезарного в прямом смысле этого слова, ибо его лицо вызывало в памяти образ архангела Гавриила: безупречный овал, высокие скулы изящно стремились вверх от четко очерченной линии волевого подбородка, а голубые глаза под высоким чистым лбом лучились доброжелательностью. Мужчина был одет в черный строгий костюм, но тонкий лучик ноябрьского солнца, пробившийся сквозь стекло, сразу отыскал его — так день естественно стремится к свету — и, испавшись в золотых кудрях, образовал над ними сияющий нимб.

— Это сэр Джон? — с трудом выдавила из себя Стефани.

Взрыв смеха эхом пронесся по комнате.

— Ха-ха-ха. Шутка удалась, друг мой, — сказал герцог Олимпия, отступая на несколько шагов от ярко пылающего камина и вытирая слезы. — Должен признаться, моему приятелю сегодня повезло — он уедет отсюда не один. А теперь, мой юный друг, позволь представить тебе настоящего сэра Джона Уортингтона, королевского адвоката, который любезно согласился взять тебя под свое крыло и помочь с адвокатской практикой.

Герцог Олимпия указал на седовласого господина, расположившегося на диване возле камина. В полумраке гостиной его не сразу можно было заметить.

— Правда, я не обладаю столь же прекрасной внешностью, как мой племянник, но это избавляет меня от проблем с дамами, — сказал джентльмен низким, властным, хорошо поставленным голосом римского сенатора.

Стефани стоило немалого труда оторваться от созерцания прекрасного златовласого видения и переключить внимание на обладателя властного голоса.

Ее сердце, пламенно забившись, вознесло дух на головокружительную высоту, где он парил под тяжелыми дубовыми балками, поддерживающими роскошный купол, но, вернувшись к реальности, сердце слабо екнуло в груди и замерло.

Будь Стефани именитым художником, которому поручено создать аллегорическое воплощение британского закона, то в центр композиции она поместила бы сундук в благородном белом парике и черной шелковой мантии, вложил ему в одну руку весы правосудия, а в другую резной деревянный молоток. А позировать пригласила бы этого седовласого господина, чтобы увековечить воплощенную справедливость, которая предстала перед ней в данную минуту.

У него были небольшие темные глазки с подозрительным прищуром, причем совершенно непроницаемые, словно ягоды черной смородины. Над кустистыми бровями возвышался крутой высокий лоб. Покрытая сосудистой сеткой кожа говорила о постоянном нервном напряжении, ибо ему приходилось выдерживать натиск как низших слоев населения, так и высших кругов общества, гордившихся своей добродетелью. Даже в тех редких случаях, когда на его лице появлялось некое подобие улыбки, уголки губ страдальчески опускались, словно груз тяжелой ответственности тянул их вниз. Худошавую фигуру плотно облегал серый твидовый сюртук, брюки гольф подбраны в тон жакету и отутюжены настолько тщательно, что можно было с легкостью разрезать пополам яблоко острыми, как бритва, стрелками.

У сэра Джона Уортингтона едва ли случались романы с женщинами, решила про себя Стефани, а если и да, то, скорее всего, после чрезмерного потребления шампанского. Причем обоими партнерами.

Однако Стефани была принцессой Хольштайн-Швайнвальд-Хунхофа и ни разу не встречала на своем пути человека, который остался бы равнодушным к ее чарам.

— Доброе утро, сэр Джон, — весело прошептала она, но, сделав шаг вперед, зацепилась ногой за край ковра.

То ли Стефани показалось, то ли, возможно, ей пришлось слышать, что в иные моменты время замедляет свой бег, но все, что она почувствовала перед тем, как растянуться во весь рост на ковре, — это калейдоскоп цветowych пятен перед глазами, а затем ужас и по-

трясение от осознания того, что ее подбородок упирается в ветхий, побитый молью ковер. Через мгновение до ее ушей донесся сдавленный женский визг, но ей не хотелось думать, что именно она его издала.

Неожиданно между ее лицом и лесом из ножек стула и дивана возникла преграда в виде больших мужских ладоней.

— Эй! Вы не ушиблись? — участливо поинтересовался глубокий, бархатный голос. Такой божественно прекрасный баритон мог принадлежать только архангелу.

Не уронит ли она свое женское достоинство, если примет эту руку помощи, чтобы подняться? А рука была замечательная, не слишком аристократичная, как можно было бы ожидать, зато большая и надежная, с мозолистыми ладонями, сильными, но чуткими пальцами. Казалось, они призывают ее воспользоваться помощью.

Стефани с трудом проглотила застрявший в горле комок.

— Со мной все в порядке, — сказала она с придыханием, чуть более заметным, нежели ей хотелось. Она собралась и ловко, одним прыжком, вскочила на ноги, игнорируя помощь чудесных рук архангела. — Во всем виноваты новые туфли.

На диване у камина кто-то негромко хихикнул.

Из всех звуков, которые терпеть не могла Стефани, женское хихиканье было самым отвратительным, даже хуже, чем назойливое жужжание большой черной мухи или, к примеру, звуки расстроенного пианино, извлекаемые неловкими пальцами новичка.

Стефани бросила на диван негодующий взор. Там сидела молоденькая девушка — изысканная, изящная, словно статуэтка. Она едва заметно улыбалась лишь одним уголком рта. Девушка была очень красива и являла собой полную противоположность Стефани: тонкие черты лица, бархатные темные глаза, черные выющиеся волосы, нежно-розовая кожа без единого пятнышка. Девушка сидела, с ленивой грацией откинувшись на спинку дивана, чуть выставив вперед маленькую ножку в розовой туфельке, которая выглядывала из-под розовой юб-

ки шелкового платья. Сразу было видно, что она хрупкая и невысокая. Именно такой тип женщин заставляет всех долговязых Стефани в мире чувствовать себя нескладными, голенастыми жеребятами.

Хотя теперь Стефани уже вряд ли можно отнести к категории молоденьких девушек, не так ли?

— Шарлотта, дорогая, — сказал сэр Джон, — это вовсе не смешно.

— Вас ничто не забавляет, кузен Джон, — прощепетала его дорогая Шарлотта и засмеялась чуть язвительно.

Стефани ожидала, что столь дерзкий (и, к слову сказать, меткий) выпад заставит сэра Джона побагроветь от возмущения, но, к ее удивлению, он лишь вздохнул.

— Мистер Томас, позвольте представить вам мою подопечную, леди Шарлотту Харлоу, которая проживает в моем доме на Кэдоган-сквер. Я уверен, что вы оцените ее советы, как и я.

Леди Шарлотта протянула маленькую, изящную белоснежную ручку.

— Мистер Томас, как мило.

Стефани подошла и, следуя этикету, коснулась губами кончиков ее пальцев.

— Рад знакомству, леди Шарлотта.

— Вот и хорошо, — сказал сэр Джон. — Думаю, вы уже имели возможность познакомиться с моим племянником маркизом Хэтерфилдом.

— Вашим племянником?

— Да. Хэтерфилд буквально обосновался в нашей гостиной, не так ли, мой мальчик? — бросил сэр Джон через плечо с суровой ноткой в голосе.

Стефани обернулась и посмотрела на маркиза.

— Лорд Хэтерфилд?

Он маркиз. Племянник сэра Джона. И практически живет у него в гостиной, как сказал старый судья.

Боже, помоги ей.

Архангел Хэтерфилд широко улыбнулся и пожал ей руку. Прикосновение его мозолистой руки приятно щекотало ладонь.

— Очень рад знакомству, мистер Томас. Я восхищен вашей смелостью, а именно тем, что вы отважились поступить на работу в контору моего дяди. Вы случайно не заклинаете змей в свободное время?

— Уже нет, мне пришлось от этого отказаться, — ответила Стефани. — Все мои змеи расплозились, ибо я то и дело спотыкался о корзину.

Хэтерфилд воззрился на нее, удивленно хлопая глазами. Затем он вдруг запрокинул голову и расхохотался.

— Да ты, Томас, чертовски славный парень, — сказал он, вытирая слезы. — Ты мне уже нравишься. Дядя, прошу тебя, присматривай за ним как следует. И близко не подпускай к пилюлям с цианистым калием, чтобы он не закончил, как твой предыдущий клерк.

— Перестань, Хэтерфилд, — проворчал сэра Джон.

— Ах, как это мило, — невинно улыбаясь, проворковала леди Шарлотта. — С нетерпением жду, когда мы отправимся в Лондон. Так хочется всю дорогу наслаждаться остроумием мистера Томаса. Как же нам повезло с ним!

Герцог Олимпия, который все это время молчал, облокотившись о каминную полку, тоже решил принять участие в разговоре.

— Вы совершенно правы, леди Шарлотта. Я ни сколько не сомневаюсь, что вы получите огромное удовольствие от общения с мистером Томасом, как в пути. — Он замолчал, изучая остатки хереса в своем бокале, затем осушил его до дна, поставил пустой бокал на каминную полку и, изобразив на лице доброжелательную царственную улыбку, закончил: — ...так и у вас дома.

Благородная бледность леди Шарлотты стала еще заметнее, словно розовый лепесток вдруг обесцветился и стал прозрачным.

— У нас дома? — переспросила она, не веря своим ушам, и посмотрела на сэра Джона. — У нас дома? — снова повторила она таким тоном, словно боялась, что им придется мыться в одной ванне.